

Алька. 89

Алек Рейн

18+

Алек Рейн

Алька. 89

«Автор»

2019

Рейн А. В.

Алька. 89 / А. В. Рейн — «Автор», 2019

Третья глава книги воспоминаний. Москва семидесятых, поиск, нахождение жизненного пути простым московским пареньком, работа на заводе, учёба в вечерней школе, друзья, подружки. Описание происходящего без прикрас и пафоса, обычная жизнь. Любовь, ранняя женитьба, созревание и попытки определения себя и своего места в мире.

© Рейн А. В., 2019

© Автор, 2019

Утром среды, в начале восьмого, двенадцатого августа тысяча девятьсот шестьдесят четвёртого года от Рождества Христова по новому стилю, я вяло ковылял шаркающей, некавалерийской походкой за быстро идущей матерью по Третьей Мытищинской улице. Мама моя была невысокого роста, где-то метр шестьдесят, но перемещалась всегда как таракан-спринтер, я к тому времени уже перерос её сантиметров на десять, но с трудом сохранял необходимую дистанцию.

Ещё бы, подняли ни свет ни заря, вытащили из тёплой постельки беззащитного ребёнка, чтобы окунуть с головой в беспросветные тяготы взрослой жизни, и потащили галопом по просыпающейся Москве.

Миновав проходную, мы нырнули в отдел кадров, где мне всучили пропуск на завод «Металлист» с моей фотографией годичной давности, втащили практически за шиворот на второй этаж здания рядом с проходной и завели в небольшой зал. В зале прямоугольной формы непосредственно у входа стояло два ряда станков, между которыми был широкий проход; за ним площадка со странным то ли полуразобраным, то ли полусобраным устройством, а в торце зала, вплотную к стене с большими окнами, около десятка рабочих столов, с обшитыми стальными листами столешницами, на которых были закреплены здоровенные слесарные тиски. Рабочий день начинался в семь часов тридцать минут, и до его начала оставалось ещё минут десять.

В сторонке на двух длинных скамейках сидели и разговаривали около двенадцати-пятнадцати разношерстно одетых человек. Рабочие подходили, здоровались, садились покурить или поговорить, кто-то шёл к своему рабочему месту, смотрел чертежи, копался в инструменте.

Мама позвала одного из них: «Лёш, подойди на минуточку».

Он встал и подошёл к нам. Поздоровавшись с ним, она, кивнув в мою сторону, сказала: «Принимай пополнение, Олегом зовут. – И, достав из авоськи завёрнутый в бумагу свёрток, спросила, глядя на Алексея снизу вверх: – Ну я пойду?» – Алексей ответил: «Беги, Надюша, беги». – Мамуля повернулась ко мне, протянула свёрток и сказала: «Держи, сынуля, ты новый костюм хотел, получай». Кивнула Лёшке и быстро зацокала по бетонному полу в направлении двери.

Алексей, рослый, крепкого сложения, худощавый сорокалетний мужчина, оценивающе глянул на меня и сказал: «Пошли». Мы вышли из цеха, завернули в какой-то коридорчик, свернули ещё в одну дверь, поднялись по ступенькам и вошли в комнату, плотно заставленную узенькими деревянными шкафчиками. Он подвёл меня к одному из них и сказал: «Твой шкафчик, переодевайся и приходи в цех». Выходя из раздевалки, повернулся и добавил: «У нас вообще-то не воруют, но если сомневаешься или ещё что, купи замочек навесной».

В бумаге лежали рабочая куртка и брюки, сшитые из плотной хлопчатобумажной ткани чёрного цвета, рабочие ботинки. Переодеваясь, я обратил внимание, что на большинстве шкафчиков замки отсутствуют, и тоже решил не заморачиваться с замками, да признаться, ценного-то у меня ничего не было.

Станки уже гудели, когда я спустился вниз, пройдя до слесарного участка, остановился перед Лёшкой. Он прервал разговор с одним из слесарей, поднял голову и крикнул: «Мужики, на секунду». – Все отложили в сторону инструменты и повернулись в нашу сторону. Алексей сказал: «У нас пополнение, ученик слесаря, зовут Олег». – Кто-то спросил: «А откуда, кто направил?» – Алексей ответил: «Надькин сын, медсестры из здравпункта». – «А, знаем, знаем». – На этом Алексей посчитал процедуру моего знакомства с бригадой законченной и, повернувшись ко мне, произнёс: «Познакомишься ещё с каждым, будет время. Меня Алексей Иваныч зовут, я бригадир, по всем вопросам – отпроситься там, заболел или ещё чего – ко мне. – Потом подвёл к самому пожилому по виду и спросил: – Василь Макарыч, возьмешь под опеку?» – Макарыч явно был не очень рад неожиданно возникшей обузе, но Алексей Иванович, похоже, знал его тонкие струны и, приблизившись, сказал, понизив голос: «Ты что ль не в

курсе? За ученика пятнадцать процентов от тарифа к зарплате добавляют». – Василь Макарович, тоже понизив голос, начал отказываться, уже более вяло: «Да чего там с тарифа-то выйдет, без премий чего он весит, тариф-то, да потом пообещают и обманут, что, в первый раз, что ли? – Бригадир посуровел: «Я тебя когда обманул? Проведём приказом, и п...дец как обманешь. Ну не хочешь, твоё дело, желающий всегда найдётся». – Но Макарыч уже включил заднюю: «Да ладно, возьму. Надьке обещал, говорит, сорванец, просила присмотреть». – Алексей сказал: «Ну и ладушки, пойду к начальнику насчёт приказа. – Потом посмотрел на меня и добавил: – Конечно, сорванец, а то и хуже, так у нас тут другие-то и не бывают».

Макарыч выдвинул ящик стола, покопавшись, извлёк напильник изрядных размеров и металлический угольник, положил их на стол. Сказав мне: «Подожди», – пошёл к станкам группы механообработки, покопался там в стальной бочке и вернулся, держа в одной руке четырёхгранную болванку. Подойдя ко мне, протянул болванку и сказал: «Держи». Затем взял со стола напильник и угольник и направился к крайнему верстаку, я поплёлся за ним.

Подошёл к нему, он объяснил мне задачу: нужно было припилить торцевую поверхность болванки так, чтобы она была абсолютно плоской и перпендикулярна боковым поверхностям. Объяснив, спросил: «Ну как думаешь, справишься?» Задача показалась мне несложной, я пожал плечами, ничего не отвечая, зажал болванку в тиски и стал пилить. Макарыч стоял и наблюдал за мной. Через пару минут отстранил меня и показал, как правильной держать напильник и зажать заготовку, после чего сказал: «Действуй».

Через десять минут руки мои занемели и перестали меня слушаться, я отдыхал, массируя их, начинал снова, обрабатываемая плоскость никак не хотела вставать на место. Подошёл Макарыч, объяснил мои ошибки, сказал: «Отдыхай регулярно», – я отдыхал, пилил, замерял, отдыхал, пилил, замерял.

В одиннадцать тридцать бригада стала собираться на обед, я подошёл к бригадиру и сказал: «До завтра, Алексей Иванович». – У Лёхи брови поднялись домиком: «А куда это ты собрался?» – «Так у меня, как у несовершеннолетнего, укороченный рабочий день». – «Ну правильно, на один час». – «Нет, Алексей Иванович, это до восемнадцати лет на один час, а до шестнадцати укороченный на четыре часа». – «Это кто тебе сказал?» – «В отделе кадров». – Тут я не врал, это всё мне втолковала начальница отдела кадров Лидия Сергеевна при моём сегодняшнем утреннем визите к ней на службу. Лёха задумался, выматерился: «А я в четырнадцать работать пошёл и мантулил по семь часов до шестнадцати, и ни одна б...ть мне не сказала, что у меня права». – Поглядел на меня и подмигнул: «А некисло тебе будет, четыре часа отфурычил и завил себе горе верёвочкой. Ну давай, беги себе, до завтра». – Я помыл руки, сполоснул физиономию, переоделся и пошёл домой. Всё было не так грустно, как думалось поначалу.

В четверг и пятницу я продолжал мучить болванку, которую мне вручил Василь Макарыч, всё никак не мог добиться того, чтобы обрабатываемая плоскость была абсолютно плоской, заваливал края. Надоела мне эта канитель невообразимо, но я всё же пытался справиться с этой проблемой, пилил окаянную заготовку, размышлял над тем, неужто мне придётся заниматься этим всю жизнь, перспектива эта, признаться, меня не радовала.

Впоследствии выяснилось, что я приобретал квалификацию слесаря-сборщика, а эта профессия не предъявляет высоких требований к владению таким универсальным слесарным инструментом, как напильник. Филигранное владение напильником необходимо, например, слесарю-лекальщику, но отнюдь не сборщику. Слесарю-сборщику важно хорошее умение читать чертежи, знать основы механики и гидравлики. По-хорошему слесарь-сборщик должен иметь среднетехническое образование.

В составе бригады мне приходилось участвовать в сборке нестандартного оборудования различных типов. Малых пескоструйных машин высокой производительности, редукторов

практически всех типов, за исключением планетарных, установок для нагрева и закаливания токами высокой частоты и много чего интересного.

Слесарем высокой квалификации я стать не успел, может быть, виной тому была, мне думается, природная моя тугодумость и в какой-то степени методика обучения слесарному мастерству, существующая у нас на заводе. Принцип обучения был таков: каждый должен научиться всему сам и без всякой посторонней помощи. Скажем, разбираясь с чертежами редуктора, я, разглядывая на каком-нибудь виде рой шестерёнок, изображённых сплошными, пунктирными, штрихпунктирными и прочими линиями, должен был сам, без посторонних подсказок и обучения, понять, что там изображено и какова последовательность сборки.

Надо сказать, что и бригадиры наши, бывало, тоже не могли разобраться со сложными чертежами и вызывали на помощь конструкторов, проектировавших машины, которые мы собирали. Благо дойти до наших сборочных площадок из головного здания, где располагались конструкторские отделы, можно было за полчаса. Я в таких случаях всегда старался просунуть своё ухо, на том основании, что прослушать одно внятное объяснение инженера в понимании изображения какой-то проекции давало больше в освоении профессии, чем год унылого шарканья напильником.

Конечно, в те годы любую рабочую профессию можно было приобрести в ПТУ (профессионально-технических училищах), и к нам в цеха зачастую приходили парни, закончившие их и имеющие квалификацию, в том числе слесарей-сборщиков. В путях, так называли ПТУ, преподавали основы машиностроительного черчения, и предполагалось, что выпускники будут читать чертежи на раз, но увы, в жизни было всё иначе. То ли готовили их не очень, то ли учились они без прилежания, так же как я последние годы в школе, во всяком случае, учиться профессии им приходилось с нуля, как и мне, хотя, наверно, бывали и исключения.

Во время очередного перекура я пошёл и сел на скамейку, где усаживались на перекур все курящие. Бригадир, увидев меня сидящим среди курящих, с непоказным удивлением сказал мне: «Ты же не куришь». Я ответил: «А что мне, курить начинать, если захотелось отдохнуть?» – Алексей затаился папиросой, задумался и ответил: «А я курить начал, чтобы с мужиками можно было посидеть, отдохнуть во время перекура. Они курить шли, а мне всегда какую-то работёнку придумывали». Я промолчал, но когда у меня появлялось желание отдохнуть, отправлялся с бригадой на перекур, не заморачиваясь, но и не хорохорился, если мне находилась какая-то работёнка. Да, собственно, и взрослые мужики так же себя вели, график перекуров у каждого был индивидуальный. Не на конвейере всё ж таки.

Субботний рабочий день мне понравился больше всего, и не из-за того, что это был укороченный рабочий день, у меня он и так был укороченным, а самой атмосферой. Все были в приподнятом настроении, предвкушая наступление выходного дня. Обеденного перерыва по субботам не было, но в цехе часов с одиннадцати начинали торговать с лотка пирожками. Пирожки были двух видов: с повидлом и капустой, я как большой любитель стрескал пару штук с повидлом и пошёл домой в благодушном настроении.

В воскресенье мама моя преподнесла мне очередной сюрприз, сообщив, что в понедельник мы пойдём зачисляться в вечернюю школу. На мои вялые доводы, мол, чего спешить, времени до первого сентября навалом, она резонно ответила: «А чего тянуть?» Я, пытаюсь вырваться из этих пут, сказал: «А чего вдвоём-то, я и один чудесно справлюсь». Но мама настояла на своём. В понедельник после работы у проходной увидел маму, они стояли и о чём-то весело болтали с Лидией Сергеевной, понял: обложили кругом, не вырваться, и мы двинули грузить мне на горбину камень с надписью: среднее образование. Вот отчего, видать, сутулость-то моя образовалась. Вопреки моим ожиданиям, пошли не в самую ближнюю к дому вечернюю школу, а в дальнюю, в Кулаковом переулке, мама сказала, что она лучше. Зачисление прошло без лишних вопросов, скучающая секретарша мельком глянула на мой аттестат за восьмой класс, на справку с работы, просмотрела какие-то списки, вписала меня в толстен-

ный гроссбух и сказала: «Девятый «б», первого числа в шесть вечера, объявления на стене прочитаешь, что нужно купить», – и отвернулась к окну. Мама осталась что-то выяснить у секретарши, а я вышел в коридор, прочитал, какие учебники и тетрадки будут нужны, и пошёл искать друзей. Срок полного обучения в обычной школе составлял десять лет, а в вечерней – одиннадцать, но меня, признаться, этот факт несколько не беспокоил, я размышлял, чем себя занять до встречи с друзьями.

Через неделю, когда водяные пузыри на руках полопались, подсохли и на их местах стали образовываться мозоли, Василий Макарович прекратил мои мучения. Разжав тиски, он взял заготовку в руки, подошёл к окну и стал её разглядывать, промерил угольником углы, попробовал на ощупь остроту граней и заявил: «Не блеск, конечно, но ничего, подходяще». И полетела, покатила, пошла, поползла моя слесарная жизнь. Сборочная бригада, в которую я попал, занималась сборкой и отладкой головных агрегатов, устройств или станков, разрабатываемых нашим проектным институтом. После сборки устройства эти испытывались, проверялась их работоспособность, при необходимости в конструкцию разработчиками вносились необходимые изменения. Затем сборка маленьких серий этих машин, пользующихся спросом в промышленности, осуществлялась в МСУ (механосборочном участке), где работал основной парк механообрабатывающего оборудования и несколько сборочных бригад. Необходимые детали и корпуса поступали к нам на сборку с участков механообработки и сварочного цеха. Литейки на заводе не было, поэтому литьё делали, скорее всего, по кооперации или изготовлялось на заказ. Почти все приходящие на сборку детали требовали небольшой доработки, сверлились отверстия в корпусах редукторов и нарезалась резьба, чтобы можно было закрепить фланцы, фиксирующие приводные валы или оси, аналогично обрабатывались станины станков; если у станков имелись массивные подвижные части,двигающиеся по направляющим, то дообработывали эти направляющие – шабрили, обеспечивая высокоточную подгонку взаимодействующих поверхностей, напрессовывали шестерёнки на валы. Изгибали в ручных тисках или с помощью универсальных инструментов различные скобы, кронштейны и крюки. Потихоньку я обучался наносить разметку, сверлить отверстия по нанесённой разметке насквозь или на нужную глубину в деталях и изделиях из различных материалов, нарезать резьбу, развёртывать отверстия под штифты, затачивать свёрла и много чего другого. Бывало, ошибался. Однажды, при сверлении отверстий для крепления фланца в чугунном корпусе редуктора, задумался и просверлил одно из отверстий насквозь. Крепить фланец через сквозное отверстие было нельзя, подтекало бы масло, установку в отверстие конической резьбовой пробки отвергли из тех же опасений. В итоге бригадир привёл сварщика, который смог заварить отверстие какими-то особыми электродами. Мне никто не сказал ни слова, но я понимал, что обвалился изрядно и подставил бригаду. Это не речного бычка в школьный аквариум запустить, тут всё по-взрослому, могли и настучать по рыжей и хитрой.

Через месяц я получил первую зарплату. Зарплата ученика слесаря на нашем заводе составляла сорок два рубля, но поскольку мой рабочий день был наполовину урезан, мне и платили зарплату, урезанную наполовину. Тем не менее мне было приятно расписаться в ведомости и получить свою скромную двадцатку. Мама хотела получать зарплату за меня, но я безоговорочно пресёк эти поползновения. Получив зарплату, я зашёл в здравпункт и отдал ей все деньги. Так было вплоть до самой женитьбы, рос только размер моих карманных денег, правда, поначалу, я отдавал ей все деньги, а она каждое утро давала мне мелочь на обед в заводской столовой, а по субботам давала мне деньги на карманные расходы, позднее, при получении зарплат, я стал брать на карманные столько, сколько считал нужным, но совестился, брал сообразно своему заработку.

Индивидуальные верстаки были только у бригадира и ветеранов, поскольку работы за ними было немного, у всех остальных был один верстак на трёх-четырёх человек. В верстаках хранили слесарный инструмент, необходимый для работы: напильники, пилы-ножовки,

молотки, гаечные и прочие ключи, метчики и плашки для нарезания резьбы, штангенциркули, микрометры и глубиномеры и прочее. На бригаду выдавалось несколько номерных жетонов для инструментальной кладовой. Когда в бригаде не было какого-то инструмента, мы шли туда, отдавали жетон и получали нужный инструмент, когда заканчивалась потребность в его использовании, инструмент возвращали в кладовую и получали свой жетон.

Полшестого вечера первого сентября я кинул в торбу, с которой я ходил последний год в школу, пару учебников и тетрадей, ручку, пару карандашей и потопал в школу. Народ в моём новом классе выглядел преимущественно постарше, ребят примерно моего возраста было ещё пару человек, не больше. Увидел одно знакомое лицо, это был Николай Николаевич, наш участковый, выглядел местечко в последнем ряду, добрёл до него и засеменял к сияющим вершинам полного среднего образования, поплёлся, признаться, без воодушевления, с остановками на отдых.

Компания наша рассыпалась, Славка пропал в дебрях обучения ремонту фотоаппаратуры, Лёшка с Витькой продолжили обучение в дневной школе.

Мы иногда общались с Лёшиком, но времени на общение у меня стало немного, после работы шёл домой, обедал, потом или читал, или делал какие-нибудь уроки, а полшестого отправлялся в школу. Не помню точно, но посещать школу надо было четыре или пять дней в неделю, так что на гульбу осталось мне пару дней.

На работе у меня появился товарищ – Колька Евграфов, славный парень, рослый здоровый увалень, удивительной доброты и порядочности, мы с ним на пару беззлобно шкодили. Бывало, отвалим из цеха, затихаримся в раздевалке и сидим на пару лясы точим или песни горланам. У нас была такая игра, он спрашивал меня, сколько времени, и я ему должен был точно ответить, не глядя на время. В цехе висели большие круглые часы, но смотреть на них, по условиям игры, было нельзя. Я хитрил, тайком иногда поглядывал, за что получал щелбан. Если я ошибался больше чем на пятнадцать минут, получал щелбаны за каждую минуту разницы, если говорил точно, щелбаны получал Колян. Месяца через три у меня возникло ощущение времени, и я натренировался довольно точно его угадывать, Колька запросил пощады.

Он тогда решил отрастить ногти на руках, работа слесаря не очень этому способствовала, но Колька был парень упёртый, надел рукавицу на левую руку и так трудился. Вообще то наши старшие почему-то не одобряли работу в рукавицах, так и говорили, изложу это помягче: «В штанах не стоит заниматься любовью, а в рукавицах работать». А рабочих перчаток тогда и в помине не было, во всяком случае, у нас на заводе. Поэтому все пытались с него эту варежку стащить, но не тут-то было, Колян был не только парень упёртый, но и изрядных физических кондиций. Поначалу ноготки у него частенько ломались, даже в защите, но приноровился, и через полгода, когда он стащил с руки рукавицу, я очумел. На его холёной руке красовались ухоженные ногти длиной двадцать пять-тридцать миллиметров, слегка заострённые на концах, отполированные, как пуговицы на гимнастёрке духа – солдата-первогодка, они сияли, как будто покрытые бесцветным лаком, хотя Колян этот факт отрицал. В бригаде, впрочем, это не вызвало ни одобрения, ни осуждения – каждый чудит как может, кто-то пьёт до посинения, кто-то ногти растит, а у молодости свои критерии, прикольно же, значит здорово. Из-за этого прикола Кольку чуть ни отчислили из вечерней школы. На уроке училка, проходя между рядами, обратила внимание на его левую руку, поинтересовавшись, кем он работает и получив ответ – слесарем, не поверила, что с такими ногтями можно слесарить, и отвела его к директору. Директриса тоже засомневалась в его слесарной карьере и поддержала предложение училки: выгнать лжеца и негодяя к чёртовой матери, поскольку право обучения в вечерней школе предоставлялось только людям работающим, но сначала решила затребовать справку с работы. Колян справку принёс, её сравнили с первой, которую он сдавал при зачислении в школу, обнаружили их аутентичность и поняли, обе справки липовые, кто-то у него знакомый работает отделе кадров и штампует липовые справки. Две эти недолюбленные тётки воз-

будились предвкушением скорой расправы над подлецом, отрастившем на руке такое, дай им волю, так они и не там отрастят себе, ой не приведи господь, разузнали телефон отдела кадров и позвонили непосредственно начальнице этого отдела. Жалею, что слышал этот разговор не напрямую, а в пересказе матери. Лидия Сергеевна, оскорблённая предположением, что во вверенном ей подразделении кто-то может мухлевать со справками, долбанула по педагогам Колькиным, как учили основоположники, по-партийному, мать их Крупскую, растолковала недотыкам, что им в своё рабочее время надо людей учить, а не ногти их разглядывать, что Николай – продолжатель славной рабочей династии (здесь она ни на йоту не солгала, на заводе работал его отец), что парень хочет учиться, расти, пойти дальше, чем его родители, и если при этом он успеваешь следить за собой, то честь ему и хвала, а тут две гримзы хотят закрыть ему дорогу к знаниям, а это в корне противоречит политике партии и правительства. Наш безвременно ушедший вождь старик Крупский ведь завещал нам учиться, учиться и учиться, а это что ж, две сучки крашены дорогу к свету яркому представителю передового класса закрывают, где же тут марксизм? Но она, как заместитель секретаря парткома завода, обратится в бюро райкома района, в котором эта, с позволения сказать, школа расположена, чтобы партия разобралась, по какому праву пытаются закрыть дорогу к знаниям рабочему паренюку.

Отбила Коляху, и нечего тут.

Я, придурок, раз его обидел, не со зла, так, по скудоумию. По молодой безбашенности мы завели привычку стрелять друг в друга винтиками из медных трубок. Технология была простая. Каждый отпилил себе медную трубочку внутренним диаметром миллиметра четыре и длиной сантиметров двадцать, подобрал пригоршню винтов, чтобы его шляпка входила в трубку поплотнее, и понеслось: вставил винтик в трубочку, поднёс к губам, дунул, винт летел, мама не горюй, попадёт, не обрадуешься. Стреляли тайком друг в друга, после выстрела по возможности прятались за станок или колонну, чтобы оппонент не знал точно, откуда идёт стрельба, попадали, если получали сами, ойкали, потирали больное место, ржали друг над другом, всё было путём, но однажды мне попала труба побольше диаметром, эдак раза в полтора, и длиной сантиметров пятьдесят. Я с простой душой подобрал нужный винтик, зарядил, дунул и спрятался за колонну радиально-сверлильного станка, я как раз работал на нём. В следующее мгновение раздаётся грохот от удара по станку массивной болванки. Выйдя из-за колонны, увидел уходящего Коляна, державшегося одной рукой за голову. Поначалу я даже не пошёл за ним, мне показалась его реакция чрезмерной, пулялись до этого, и ничего, чего так психовать, но Колька всё не приходил, пошёл его искать. Нашёл в раздевалке, он сидел на полу, обхватив голову окровавленными руками, и плакал. Стал пытаться посмотреть, что у него с головой, но он обматерил меня и не давался глянуть на его бестолковку. Когда мне удалось оторвать его лапищи от башки, увидел, что на темечке у него дуется приличная шишка, вдобавок имеется изрядное рассечение, течёт кровь. Я потащил сопротивляющегося Коляна в здравпункт к матери. Ушибы, переломы, порезы, травмы были для неё, как фронтальной медсестры, делом пустяковым. Продезинфицировав ранку, она положила на неё ватку с какой-то мазью, забинтовала голову, поставила укол от столбняка и написала справку для мастера. А Кольке сказала: «Мастеру скажешь, что у тебя рассечение и подозрение на сотрясение мозга и до воскресенья ты работать не сможешь, но в журнал травматизма я тебя не внесла». Все заводские здравпункты вели журналы травматизма, куда должны были вносить сведения обо всех заводских травмах. Сведения эти она каждый месяц должна была передавать в поликлинику, и так по цепочке. Если уровень травматизма был высок, могли завод снять с соцсоревнований или прислать комиссию по проверке и прочее. Здравпункт являлся структурой районной поликлиники, но заводское начальство старалось ладить с заведующими здравпунктов, как, впрочем, и заведующие с заводчанами. В цех Колька летел на крыльях, я, поспешая за ним, всё извинялся, Колян сгрёб меня, глянул сверху вниз и великодушно сказал: «Да ладно, чего с тебя, дундука, взять, трубу такую взять удумал». Посмотрел на мою кислую рожу и добавил: «Не горюй, всё

ведь хорошо получилось, два дня гулять буду на халяву. А хочешь, я тебе дуну в башку, тоже погуляешь пару дней». Мы заржали, обнялись, и дружба наша покатила дальше.

Дело шло к Новому году, праздник этот для многих один из самых любимых в году, а для меня вдвойне, тридцать первого декабря у меня день рождения, мне исполнилось шестнадцать лет. В двадцатых числах мама сказала мне, что моя двоюродная бабушка – баба Роза – хочет вручить мне подарок на день рождения, и для этого я должен приехать к ней. У бабы Розы не было своих детей, и в моём детстве частью своей нерастраченной материнской любви она одаривала меня. С ней связано одно из моих дорогих ранних детских воспоминаний: баба Роза, посадив меня к себе на шею, бегают по лужайке на даче в Удельной и заливается счастливым смехом, у меня захватывает дух от высоты, она была рослой женщиной, и какое-то полное, нескончаемое ощущение счастья и доверия, которое бывает у детей, находящихся в руках любящего их человека. Сказано – сделано, я собрался ехать, но под каким-то благовидным предлогом одного меня мама не отпустила, думаю, ей было очень интересно, что такого мне подарит баба Роза.

Двадцать девятого декабря мы с ней доехали на девяносто восьмом автобусе до проезда Серова (ныне Лубянский проезд) и минут через десять звонили в звонок двери, выходящей на Ильинский сквер, напротив Старой площади. По сложившимся правилам тех времён, каждой комнате коммунальной квартиры соответствовало определённое количество звонков и у входной двери бывали таблички с указанием фамилий проживающих и цифрой, указывающей на то, сколько раз нужно звонить. Я уже бывал в этой коммунальной квартире, располагавшейся на первом этаже старинного дома, имеющей отдельный вход непосредственно с улицы, баба Роза занимала там небольшую комнату. Дверь открыла баба Роза, провела нас в комнату, сама прилегла на кровать, у неё были больные ноги, предложила нам присесть. Мы сидели на стульях, мама ближе к столу, я чуть сбоку, прямо напротив её кровати, они о чём-то беседовали, а бабулечка моя двоюродная всё глядела и глядела на меня. Потом, прерывая разговор с мамой, она спросила меня: «А у тебя уже есть девушка? А кем ты хочешь стать, о чём ты мечтаешь?» И девушки-то у меня не было, и мыслей у меня было, как у героя Исаака Бабеля: об выпить стопку водки, об дать кому-нибудь по лбу, и больше ни об чём. Про отсутствие девушки я сказал правду, постоянной девушки у меня не было, про мечты соврал, чтоб не огорчать бабуленьку, она вракам моим явно не поверила, но и не стала морализировать. Через полчаса села на кровати и сказала мне: «Ну иди ко мне, расцелую тебя». Я подошёл, нагнул, баба Роза чмокнула меня, сказала: «Поздравляю тебя, Алька, будь молодцом. – Потом достала из кармана халата приготовленную купюру в пятьдесят рублей и произнесла: – Купи себе, что хочешь сам. – Повернувшись к матери, добавила: – Надя, пусть он купит себе что захочет». По тем временам это были очень приличные деньги, на пятьдесят рублей можно было купить велосипед, костюм или плащ-болонью, но я принял другое решение. По дороге обратно маменька предложила мне отдать ей купюру для сохранности, но я отверг эту идею как непродуктивную. Потом она стала допытываться, на что я собираюсь потратить такие огромные деньжищи, я ответил: «Увидишь». Она вздыхала с трагическим видом, но я не прогибался, денежные дела в семье потихоньку улучшались, все работали, с деньгами становилось более-менее неплохо.

На следующий день я пошёл в часовой магазин и купил часы «Полёт» стоимостью пятьдесят рублей ровно. Как мне кажется, это была первая или одна из первых моделей тонких часов в СССР. Тонюсенькие, в позолоченном корпусе, с секундной стрелкой и антиударным механизмом, с двадцатью тремя рубиновыми камнями, с запасом хода в полтора суток, с лаконичным дизайном, это были не часы – мечта. На работу я их не надевал, боялся повредить, но вечером – всегда. Часы оказались точного хода и удивительно живучие, в какие только передраги они не попадали со своим непутёвым владельцем, всё им было нипочём, не ломались ни разу и только в драках бывало вылетало стекло, но оно было пластмассовое, я его находил, аккуратно вставлял и они исправно служили дальше. Подарок мой вызвал обиду и жгучую

зависть у моей сестры, ей подарок от бабы Розы на шестнадцать лет если и перепал, то был многократно скромнее, а может, его и не было, и она заявила, что часы, которые я так нагло приобрёл себе, мы должны носить по очереди, но я отбил эту самонадеянную провокацию.

После Нового года я зашёл в паспортный отдел пятьдесят восьмого отделения милиции, сдал фотографию на и через неделю получил паспорт. А мой рабочий день увеличился до семи часов. То, что поначалу казалось просто каким-то каждодневным четырёхчасовым приключением, превратилось в практически полноценный рабочий день, который, после небольшого перерыва, продолжался ещё четырёхчасовым обучением в школе. В начале марта 1965 года пришло время сдавать экзамен на получение первого разряда, сам экзамен был скорее простой формальностью, так как квалификационные требования по присвоению первого разряда были невелики, да и экзаменаторы наши толком не представляли, что с нас спрашивать. Не помню, кто посоветовал мне прочесть пару книг по слесарному делу, я не поленился, нашёл их в заводской библиотеке и прочитал. Очевидно, вследствие того, что глава нашей экзаменационной комиссии, начальник механосборочного участка Анатолий Иванович, чтобы понимать, что с нас спрашивать, просмотрел их тоже, на все его вопросы ответы я знал и пробарабанил их на ура. Впрочем, разряды присвоили всем, кого направили на сдачу, включая тех, кто не ответил ни на один вопрос.

Зарплата моя стала составлять шестьдесят рублей, то есть увеличилась в три раза с момента моего прихода на завод, и я потребовал у матери увеличения размера моих карманных денег вдвое, с пятидесяти копеек в неделю до рубля, и, после небольшой дискуссии, добился своего.

Весной шестьдесят пятого впервые в СССР вспомнили о ветеранах войны, была отчеканена первая юбилейная медаль «Двадцать лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», практически весь завод наш собрали в актовом зале и вручали медали ветеранам в торжественной обстановке. К моему удивлению, ветеранов было немного, человек двадцать на весь завод, мама моя оказалась единственной женщиной-ветераном, видимо, по этой причине ей вручали награду последней. Аплодировали всем награждаемым, захлопали и ей, когда она шла по проходу, стройная, маленькая сорокаоднолетняя женщина, с копной волос, выбеленных ранней сединой, наполненная светом праздника Победы, её победы, в войне, в жизни, Она всё смогла, у неё всё получилось. Сияя улыбкой, летела по проходу, лёгкая, как тень птичьего пёрышка, тонюсенькая, красивая, и зал хлопал всё громче. Когда она была уже где-то в середине зала, мужики стали подниматься и аплодировали стоя, я стоял, хлопал в ладони вместе со всеми, наполненный гордостью и внезапно нахлынувшим чувством бесконечной любви и благодарности, схватившими меня за горло.

Наступило лето, я закончил девятый класс, и у меня появилось свободное время по вечерам. Мы по-прежнему были дружны с Лёсиком, но зимой я был занят, летом он поначалу укатил отдыхать, встретиться потусить всё не удавалось. Но, как говорится, свято место пусто не бывает, я стал корешиться с Витькой Медведевым.

Мы с ним были во многом схожи, оба весёлые, озорные, безбашенные, готовые на любую заварушку, оба пытались освоить игру на гитаре. Отец Витьки работал милиционером в нашем районном отделении милиции, мать – продавщицей в гастрономе, был брат, моложе его года на три-четыре. Витька-то меня на годок постарше, невысокого роста, поджарый, плечистый. По вечерам мы небольшой компанией собирались на задворках сквера, идущего вдоль Калибровской улицы, на месте с кодовым названием «Скамья разврата». И действительно, в том месте была парковая скамья, мы её вшестером утащили из сквера и поставили в укромном уголке недалеко от Витькиного дома. Там и собиралась, когда позволяла погода, наша компания, семь-восемь парней и девчонок из окрестных домов. Играли, как умели, на гитаре, пели песни, понемногу выпивали, покуривали, целовались, тискались, устойчивых пар не создалось, так, просто время проводили.

На работе мне предоставили отпуск, один календарный месяц, как несовершеннолетнему. Проездом на юг гостивший у нас с сыном мой дядя, муж сестры мамы, предложил мне поехать с ними. Они должны были улететь на следующий день, и дядя предложил, чтобы я приехал к ним, в Евпаторию. Там отдыхал его друг, в комнате, которую они снимали с дочерью моего возраста, стояла ещё пара пустующих коек, где они и планировали разместиться. Относительно меня дядя сказал: «Придумаем что-нибудь, на улице не останется». В финансовом отношении отдых на юге явно был дороже, чем проболтаться в Москве или на даче, но мама не задумываясь согласилась, выдала дяде сто десять рублей и спросила: «Хватит?» Дядя ответил: «Не хватит, добавлю». Летом достать билеты на южное направление было делом нерешаемым, тем более если у тебя не было знакомого кассира, а его не было, но была у мамы знакомая врачиха в девяносто восьмой поликлинике, у которой такая кассирша была. Мама позвонила врачихе, та кассирше, я метнулся на Курский вокзал и через пару дней уже трясся на верхней полке плацкартного вагона пассажирского поезда «Москва – Евпатория». В дорогу мама пыталась мне сунуть каких-то харчей, но я отказался их брать категорически, как-то не представлял, как я буду сидеть в одиночку у окошка и хомячить потихоньку, было какое-то ощущение неловкости. Сказал небрежно: «Не буду заморачиваться, перекушу в вагоне-ресторане». Крутняк. Соседями по купе плацкартного вагона оказалась семья, муж с женой и пацанёнок лет пяти, северяне, ехавшие на юг проездом через Москву, люди добродушные и деликатные. Они долго не решались попросить меня поменять мою нижнюю полку на их верхнюю, но, когда предложили я поменялся с удовольствием, детишки всегда любят забираться куда-нибудь повыше. После обмена они почувствовали себя чем-то мне обязанными и всю дорогу пытались меня подкормить, ехали мы полтора суток, и есть они садились каждые три часа, но я отказывался. Во время очередного их перекуса я слез с полки и, отбиваясь от предложений закусить чем бог послал, заявил: «Пойду в вагон-ресторан, чего-то горяченького хочется». Северянин сразу заявил, что уж у него-то горяченького, в том числе и горячительного, найдётся и мы с ним можем о-го-го как, но был обломан, задвинут к окну и зафиксирован супругой, которая зашипела ему в ухо: «Ты что, дебил? Не видишь, парень совсем молодой?» В ресторане я съел борщ, бифштекс с яйцом, запив каким-то соком, заплатил два рубля и проследовал в свою плацкарту, упиваясь своей зрелостью и самостоятельностью. Всё остальное время я подремал или просто пролежал на своей полке. На вокзале меня встречали дядька с брательником, продребезжав полчаса в трамвайчике, мы прибыли к месту дислокации. По дороге дядя сообщил, что, осмотрев по приезду на место комнату, он понял, что ещё койку впихнуть не удастся, и хозяйка предложила несколько вариантов, из которых самым удобоваримым ему показался вариант с установкой койки прямо во дворе. Если мне не понравится, то он сам с дорогой душой там поспит до отъезда приятеля с дочкой. Повозившись минут сорок, хозяйка соорудила под яблоней из четырёх деревянных тарных ящиков, рамы с панцирной сеткой, ватного матраса и рулона марли роскошное ложе с балдахином. Балдахин хозяйка привязала к веткам яблони, с трёх сторон закрепила по низу к раме, со стороны входа, марля висела свободно, с большим запахом. Я решил попробовать и не прогадал. В первую ночь долго не мог уснуть, я всегда плохо сплю на новом месте, к тому же не давал спать вой мириада взбесившихся комаров, чувствовавших пятьдесят килограммов молодой плоти, но во все следующие дни спал как убитый. Свежий морской воздух, пение цикад, что может быть лучше? Один раз я попал под ливень, но как-то быстро сориентировался, схватил простыню, матрас с подушкой и одеяло и сквозанул в комнату, где уже дрыхли мёртвым сном четверо. Расстелил матрас на полу и заснул ничтоже сумняшеся. Утром моё наличие в комнате добавило веселья проживающим, а вечером я опять переместился под яблоню, и всё продолжилось, как заведено.

Обычный распорядок дня у нас был примерно таков: часов в семь утра дядя Саша будил меня, умывшись, мы брали два тканевых покрывала и шли на пляж занимать места. Днём пляж был настолько плотно забит отдыхающими, что расположиться к морю ближе чем за тридцать

метров было невозможно, и чтобы искупаться, надо было протискиваться между бесчисленным количеством лежащих зачастую вплотную подстилок или самодельных мини-палаточек, которые сооружались из палок и простыней. Процедура «бронирования» места была проста как башмак, в метрах пяти-десяти от моря мы расстилали подстилки, клали на углы камушки, желательнее помассивнее, чтобы не унесло ветром. Неплохо было положить на одну половину газетку, а на другую какой-нибудь предмет одежды, например, старую панамку, и всё это прижать камушками. Важно было размещаться недалеко от каких-то приметных точек: двухъярусного солярия, вышки спасателей, иначе потом найти застолблённое место было маловероятно. В это время на пляже, как правило, уже занято процентов двадцать площадей. Заняв место, мы шли купить чего-нибудь для завтрака, как правило, это было молоко, колбаса и хлеб. Изредка, если не было молока, брали что-то кисломолочное, и всё нас чудесно устраивало, все мы были весьма непритязательны. Когда к часам десяти-одиннадцати мы приходили загорать и купаться, подстилки наши всегда находились там, где мы их оставили, только один раз одну из наших подстилок сдвинули с места, лежала как скомканная тряпка, пришлось втроем ютиться на одной. Уже в конце нашего отдыха дядя Саша решил, что для экономии времени нам надоделиться, я пошёл занимать место на пляже, а он в магазин за харчами, всё получилось быстрее в два раза, но занятое мной место искали все вместе пару часов, не найдя, дядя с братьями махнули рукой и пошли купаться, а я всё искал и наткнулся случайно на наши подстилки, причём в совсем другом месте от того, где я предполагал. Лоханулся, не зафиксировал в памяти какую-либо приметную точку рядом, чтобы потом быстро найти.

На море я был впервые, пляжи в Евпатории песчаные, вход долгий, тьма народа, и большого впечатления поначалу оно на меня не произвело. Стоя на берегу у кромки воды, видишь толпу народа и в промежутках между телами, головами, руками, ногами мутную зеленовато-белёсую воду. Я вошёл в воду и шёл, по ощущениям, минут десять, пока не дошёл до достаточной глубины, потом поплыл, вода морская плотней пресной, прогребать её чуть тяжелее, но понимание этого приходит не сразу, зато повышенная плавучесть ощущается тут же, как ты растягиваешься в воде. Я доплыл до буйка, вода была уже абсолютно прозрачна до самого дна, в душе было ощущение полного счастья, и я решил отплыть чуть подальше, плыл себе потихонечку, плыл, не знаю, может быть, минут через пятнадцать или больше услышал в воде звук мотора, справа от меня появился борт лодки спасателей характерной синей расцветки. Я принял вертикальное положение в воде, взглянув в направлении берега, он был едва различим, понял, что приплыли они по мою душу – отплыл я довольно далеко и развернулся лицом к лодке, она по инерции двигалась чуть вперёд и немного боком на меня, в ней находилось трое спасателей. Один из них, сидящий на центральной банке, лет тридцати, загорелый до черноты, в тельняшке с длинными рукавами, молча глядел на меня, поигрывая толстым канатом, на конце которого был завязан здоровенный узел. Когда лодка была в полуметре от меня, я взялся рукой за толстую верёвку, которая полукольцами была закреплена по её периметру. Спасатель, посмотрев на мою бледную физиономию, спросил: «Давно у нас отдыхаете, молодой человек?» Я бодро отрапортовал: «Первый день». – «А буй видели, когда проплывали?» – «Видел, но я же чуть-чуть заплыл, задумался». – «Задумались, а на пляже объявления на щитах читали, что за буйки заплывать нельзя?» – «Не успел, хотелось сразу в море окунуться, я первый раз на море». – «Ну залезай в лодку, поедешь с нами, составим протокол, будут мать с отцом штраф платить». Перспектива оплаты штрафа меня встревожила, я понял, что дядя мой будет не рад такому подарку от племянничка, и голос мой предательски дрогнул, когда я отвечал спасателю: «Нет у меня ни матери, ни отца, я с дядей живу». Тут я не врал, отца-то, по сути, не было, где-то в Кемерово с шестой женой зависал, мать в Москве, а я в Евпатории, с дядей. Спасатель внимательно поглядел мне в глаза и сказал: «Что ж с тобой делать-то? Оставлять тебя здесь нельзя, инструкция. А потом вдруг в самом деле потонешь?» Я предложил: «А вы меня до буйка дотащите, а там я сам». Он посмотрел на меня, повернулся к своим коллегам, они

перемолвились друг с другом, потом сказал мне: «Держись покрепче». Лодка развернулась и плавно направилась к берегу, тут он наклонился поближе ко мне и спросил: «А ты знаешь, что мы первым делом делаем, когда спасаем утопающего?» – «Нет». – Да и откуда мне было это знать. – «Бьём по башке вот этим концом, – и он показал мне тот здоровенный узел на канате, которым он поигрывал, подплывая. – Тонушие ведь паникуют, если приходится за ними в воду прыгать, хватают руками, мешают работать. А так дашь ему по башке и работай в своё удовольствие. Ты имей в виду, ещё раз заплывёшь, я тебя спасать буду по-серьёзному. А откуда я знаю, может, ты тонешь? Дадим по башке, вытащим, тебе понравится». Возле буйка я от них отцепился и поплыл к берегу. За буйки я больше не заплывал, начнут спасать, в самом деле, мороки не оберёшься.

На нашем месте я застал только испуганного Вовку. Я спросил: «А где дядя Саша?» – «Он бегаёт, тебя ищет». Я удивился: «Зачем?» – «Он думает, что ты утонул». Я понял: трындец, не миновать люлей. Так и произошло. Появившийся дядя Саша был подавлен, растерян и испуган, увидев меня, не обрадовался, а скорее удивился, но потом... Сначала он кричал на меня, ругал, грозил отправить домой, позвонить матери и прочее. Потом успокоился и стал объяснять, что так поступать нельзя, что я пропал на полтора часа; Вовка сказал ему, что я пошёл купаться, он думал, что я где-то у бережка плещусь, а я пропал неизвестно куда, а перед матерью моей он в ответе, и как ему жить, если со мной что-нибудь случится. Он был прав, что тут скажешь? Потихоньку всё рассосалось, мужик он был нормальный, отходчивый. После этого он пару раз ходил плавать со мной и, убедившись, что я плаваю не хуже, а может, и получше него, успокоился и иногда поручал мне приглядеть за Вовкой, когда тот отправлялся поплавать. Хотя Вовка, пожалуй, плавал получше нас обоих, он занимался плаванием в секции.

Так проходил наш черноморский отдых, с утра плавали и загорали до одури, я иногда ходил поиграть в волейбол, раньше это было популярным занятием на пляже. Становились в круг два-три человека, подходили ещё и ещё, кто-то уходил, и такой круг мог просуществовать с утра до вечера. Часа в три шли обедать в какую-нибудь из близлежащих столовых, потом домой, дремали до вечера. Во время обеда дядя Саша брал себе всегда стакан белого сухого вина, я, признаться, по жаре тоже бы не отказался, но увы. Обиды у меня никакой не было, я понимал, что мне не предлагали не от жадности, просто он считал меня ещё молодым для этого. Но однажды он поинтересовался у меня: «А может, винца?» С тех пор обеды мои стали проходить повеселее. Удивил меня этот факт в Евпатории – автоматы для продажи газировки, в которых вместо газировки было белое сухое вино. Кидаешь монету достоинством двадцать копеечек, и пожалуйста, двести граммов ледяного «Ркацители», и никакого ажиотажа, очереди, пьяных, валяющихся у автомата. Юг, культура. Вечером гуляли по набережным, по городу, иногда ходили в кино. Помнится, я там посмотрел американский вестерн «Великолепная семёрка», на который не смог попасть в Москве.

Во время одной из вечерних прогулок с нами произошла такая история. Шли по бульвару, о чём-то беседуя, и вдруг Володька остановился и, глядя вверх, произнёс: «Негр». Сказал он это с неподдельным удивлением, что, впрочем, понятно. Дядя Саша, окончив МИФИ, работал и жил сначала в Сарове, потом в Челябинске-70, в городах, закрытых для посещения, туда невозможно было попасть простому гражданину СССР, а что уж говорить о неграх, вот он и увидел негра впервые. Для него это, наверно, было так же, как если бы он слона увидел, гуляющего по парку в одиночку. Мы с дядей Сашей тоже глянули: ну да, негр. Среднего роста, тощий и, как мне показалось, какого-то болезненного вида, так себе, какой-то задрипанный негр. Но этот самый невзрачный негр, наклонившись к моему брательнику – десятилетнему пацану, начал с ненавистью шипеть: «Никогда больше не называй меня негром». Вовка с перепугу от такого некуртуазного поведения замызганного негра весь скукожился, мне в башку ударила кровь, схватил левой рукой негра за рубашку, думаю, откроет ещё рот, гад, срублю, дядя Саша в растерянности повернулся к собирающейся толпе зевак и спросил: «А как же его

называть? Он же негр». Негр, ошарашенный моим небратским поведением, замолчал и как-то прижмурился, а из собирающейся толпы посыпались противоречивые советы: «Сунь ему, парень, в грызло, чего ждёшь?», «Как вам, юноша, не стыдно? Это же представитель братской нам угнетаемой страны», «Да дай ты ему уже в харю, приехал девок наших по кустам лапать». В рыло негру мне очень хотелось заехать, но боялся, что дядя Саша не одобрит мой благородный порыв. В итоге дядя Саша потащил меня вперёд, я отпустил рубашку негра, отпихнув его с дороги, и наш вечерний променад продолжился.

Первые две недели нашего пребывания, пока дяди Сашин друг с дочерью находились в Евпатории, дядя Саша с другом иногда по вечерам смыливались потусить, отдохнуть вдвоём. Мы оставались втроём, сидели, болтали, ужинали, пили чай с бутербродами.

То ли от большого количества солнца, то ли от морской воды, а может, просто от того, что срок пришёл, морда моя стала быстро обрастать щетиной, которая достигла такой длины, что стала напоминать какую-то козлиную бородку. Дядя, увидев это, предложил мне побриться, что я и осуществил его электрической бритвой, побрился первый раз.

Через две недели друг дядь Сашин с дочкой улетели домой, я переехал в дом, чему был не шибко рад, кровать была получше, но воздух, утренняя свежесть были потеряны, но дядя Саша настоял. А ещё через пару недель мы улетели в Москву, летели мы на Ту-104, я летел впервые, больших восторгов не испытал, но опыт показался мне интересным.

Вернулись мы в пятницу, утром субботы дядя Саша с Вовкой улетали в Свердловск, мать уехала их провожать, сеструха куда-то свалила с подругами, я лежал дома, отсыпался. Проснулся я от настойчивого звонка в дверь, чертыхаясь, пошёл отворять дверь в полной уверенности, что мать уже вернулась из аэропорта, однако в дверном проёме нарисовался Витёк Медведев, в трениках, кедах, майке и с рюкзаком за спиной, под клапаном которого была пристёгнута телогрейка. Он сделал изумлённое лицо и выпалил: «Охренел, что ли, ещё не собрался, девки же ждут, договорились же, в двенадцать на Рижском вокзале собираемся». Я оторопел от такого напора: когда договорились, на каком вокзале, какие девки? Витёк мне снова: «Алек, проснись, девки же ждут». – Поржав надо мной, объяснил, что в моё отсутствие познакомился с компанией, девок там больше, чем парней, и они попросили привести с собой одного или двух ребят. У меня возник вопрос: куда привести? Витёк снова расхохотался: «А что? Я не сказал? Так в поход сегодня идём, сбор в двенадцать на Рижском, давай собирайся».

В шестидесятых – семидесятых годах в стране, в которой мы жили, под названием СССР стихийно стал развиваться туризм. Движение это поддерживалось: для тех, кто хотел заниматься профессионально, были различные туристические клубы, секции и объединения, настоящие маршруты, инструкторы, в любом пункте проката можно было по паспорту взять напрокат палатки-треноги, котелки, туристические топоры, рюкзаки со станком или без, спальные мешки, что мы и делали. А для остальных популярность туризма, особенно у городской молодёжи, имела простое объяснение: большинству негде было провести время в выходные в городе, уединиться с девушкой, собраться посидеть компанией, а туризм всё это предлагал.

Мы собирались компаниями от четырёх до двенадцати человек, брали в прокате весь инвентарь, кроме рюкзаков, рюкзаки удобнее было иметь свои. Всё же сборы начинались дома, брали в магазине харчи, как правило, мясную тушёнку, картошку или макароны, концентрат готового борща или супа в стеклянных банках, майонез, консервированный зелёный горошек, изредка сосиски или сардельки, хлеб, всегда водку. Пропорции были определены и менялись, только если был какой-то праздник или день рождения, закупками всегда занималось двое или трое, скидывались заранее. Места разведывались загодя, главными критериями были наличие воды – большое озеро, водохранилище, река или канал, время в дороге – не больше двух часов, но и не очень близко, и отсутствие пересадок, в том смысле, чтобы до места можно было добраться на электричке и далее пешком. Хотя в хорошие места, например, на Истрин-

ское водохранилище, не гнушались добираться на электричке, потом на автобусе и пешком. Походная практика научила ставить палатки в правильном месте, чтобы в дождь дно её было сухим, искать сухостой, в сырую погоду костра иначе не разведёшь, готовить на костре. Играли на гитарах, пели, веселились, чего греха таить выпивали, конечно. Когда кто-то уединялся в палатке, не завидовали, любовь или повезло, какое кому дело. Было хорошо, мы были молоды.

А в тот день я был рад тому, что возвратился и попал, как Чацкий, с корабля на бал, причём у меня всё, что нужно для бала, было в наличии: рюкзачок, треники, кеды, рубашечка походная. Времени до встречи оставалось немного, так и были сборы недолги, думал я, но увы, маманя, очевидно, постирав мою ветошь походную, куда-то её притырила, да так, что я, как ни старался её найти, найти не смог. Мне кажется, что у женщин это какой-то особый дар, положить вещи так, что найти их невозможно, сейчас меня этим даром жена удивляет. Но это же не причина отказываться от такого весёлого мероприятия в начале лета; поскольку из своей старой одежки я вырос, маменька купила мне светлый летний костюм, я надел его, взял гитару, какое-то старое байковое одеяло, плавки, ещё какое-то барахлишко, засунул всё это Витюхе в рюкзак, и мы отправились в турпоход. На Рижском вокзале нас ждали шесть девчонок и три парня, все одеты по-походному, с рюкзаками, котелками, палатками, появление ещё парочки походников, один из которых в светлом летнем костюме с гитарой, что и составляло весь его туристический багаж, вызвало весёлый ажиотаж. Были претензии к Витьку, где ещё один обещанный пацан, он игриво ответил: «Мы вдвоём справимся, его Алеком зовут». Под весёлый гомон и допытывания девчонок, с кем из них мы собираемся справляться и каким образом, мы загрузились в электричку.

На место дислокации прибыли засветло, поставили палатки, развели костерок, стали разбираться, кто в какой палатке будет укладываться спать, вопрос был существенным, каждый хотел понять, а с кем он спит? Ещё во время сборов дома я допытывался у Витьки, с кем он идёт, кого он запланировал в спутницы мне, но ничего толком он мне так и не сказал. Объяснял, что компания сложилась случайная, толком никто никого не знает, разбираться придётся на месте. Одна из девиц собралась идти за водой и спросила: «Я за водой, кто мне поможет?» Девушка была приглядная и боевая, но пока я разглядывал её, сравнивая с другими, один из парней сказал: «Пошли, я помогу». Увели деваху из-под носа, пока я спал в одном ботинке, какой афронт! Вернувшись с водопоя, девица заявила, что спать они будут вдвоём, в отдельной палатке. Огорчённый собственной нерасторопностью, я полез со своим барахлишком в одну из незанятых палаток, чтобы застолбить себе местечко. Оборудовав себе спальное место, я прилёг, лежал бездумно на спине, просто отдыхал, но мой покой был внезапно нарушен. В палатку шустро, как ящерка, юркнула худенькая девушка и, не мудрствуя лукаво, прилегла прямо на меня, что было вполне разумно, поелику больше в палатке прилечь было не на что. Поелозив немного, она расположилась на мне, как на диване, поудобнее, опёрлась острыми локотками мне в грудь и стала меня разглядывать, а рассмотрев, неожиданно вцепилась мне в длинный, волнуемый поцелуй, затем, опять опершись локтями о мою грудь, повернув голову в сторону предполагаемых собеседников за пределами палатки, провозгласила: «Я его проверила. Он не мальчик», – после чего так же шустро покинула пределы моей обители. Я ещё полежал, размышляя, из каких соображений она сделала такой лестный, как мне тогда казалось, вывод в отношении меня, и, убедившись в собственной неотразимости, пополз на волю, надо было помогать с приготовлением ужина, к тому же мужики явно ладились пропустить по полкружечки, побренчать на гитарке, да мало ли какие дела вечером в лесу у костра и рядом.

Вечером я снова был весьма удивлён, когда обнаружил, что на ночь рядом со мной деловито и весьма бесцеремонно располагается совсем другая девица, но это меня не огорчило. Как справедливо заметил Огюстэныч, в смысле Пьер Огюстен пацану в возрасте Керубино, неважно, за кем приударить – и за графиней, и за её камеристкой, да за любой юбкой, а уж если она сама пришла к тебе, не о чем говорить.

С утра кто смог продрать глаз, попили чаю и пошли купаться, я выпендривался своим южным загаром, после полудня выдвинулись домой. Настроение мне омрачало большое коричневое пятно на моих светлых брюках, которое я соорудил себе, хлопоча утром у костра, случайно вылив треть банки какао со сгущённым молоком, впрочем, советская химчистка утолила мои печали и через неделю костюм был лучше нового.

В понедельник я вышел на работу, первого сентября пошёл в школу: наступила осень, потекли тягучие рабочие будни. В наш класс пришёл новый пацан – Сашка Захарченко, весёлый, заводной, с огромными лапами, кулак у него был с голову пионера-отличника. Сашка незадолго до этого чуть не загремел под фанфары в места не столь отдалённые. Дела простые, обычная групповая драка, в которой кто-то пострадал с противоположной стороны. Пострадал весьма серьёзно, кто бил, кто помнит, кто видел, как найти? Ментуха советская сработала быстро – просто назначила виновного, посмотрели: о, гляди, кулачищи какие, этот точно мог приварить, стали крутить, колоть на чистосердечное, признание же – царица доказательства ещё со времён Андрея Януарьевича, но Сашок как-то отбил, отполз, он рассказывал, как, но я уже не помню. Сашка носил кепку-восьмиклинку, которую называли кемель, и получил в компании нашей кличку – Кемель. Клички возникали и прилипали по большей части стихийно, иногда их раздавал какой-нибудь острослов, если глаз его остёр и сам он неглуп, то кличка приживалась, а нет, так и клички нет. Часто они были связаны с фамилией или именем, Пушкин – Пушок, Козлов – Козёл, у Витьки Медведева было два погоняла: Мокушка и Фред; Мокушкой звали одного комического персонажа из кинокомедии тех времён, откуда взялась кликуха Фред, не помню, Витёк откликнулся на обе. Сашка работал на «Калибре» токарем, по вечерам мы встречались в классе, по выходным тусили троём: Мокушка, Кемель и я.

В начале шестидесятых полуподпольно стали во многих спортзалах заниматься культуризмом, мне об этом рассказал один приятель на заводе; так как заканчивал трудится на заводе довольно рано и дома был ещё до четырёх часов вечера, я решил подкачаться в промежутке между работой и школой. Книгу по культуризму или бодибилдингу купить было невозможно, но в спортивном магазине мне толковый продавец сказал: «А чем тебе не подойдёт брошюра упражнений по атлетической гимнастике? Это ж, по сути, одно и то же», и показал мне пару брошюр, в одной из которых были представлены упражнения с гантелями, а в другой с гириями и штангой, я взял обе. Для начала купил в магазине пару гантелей по пять килограммов, занимавшись полгода, купил гантели по восемь, ещё через полгода полторапудовую гирю, двухпудовки в магазине не было. Занимался два-три раза в неделю, пока не поступил в вечерний институт, в институте времени не стало хватать, так иногда по выходным баловался.

Осенью познакомились мы с девчонками из восьмидесят пятого дома. Лучший способ познакомиться поближе – это сходить в поход, что мы и решили предпринять. Сашка с Витьком не смогли, и пошли со мной в поход Лёсик с приятелем, которого до этого момента я не знал, и три девчонки. Отправились мы на Истринское водохранилище, стояла теплынь, поставили палатки на небольшой полянке, окаймлённой кустами, стоношили, как обычно, какой-то несложный ужин, поужинали, потом сидели у костра, выпивали, пели, играли на гитарах. При сборах мы слегка скорректировали количество алкоголя, взяли побольше, чтобы и самим быть поразвязнее, ну и в надежде, что дамы наши выпьют побольше и будут поговорчивее. Дамы пить вообще отказались, а вот наш новый походник, друг Лёсика, подналёг и, перебрав, сначала быковал, а потом и вовсе слетел с катушек. Схватил топор, стал орать, что всех зарубит, все разбежались, я, поскольку хмель у меня прошёл моментально, стал искать возможность, чтобы обезвредить дебила. Для реализации своего плана я потихонечку крался за ним сбоку и чуть сзади по кустам, окружавшим полянку, выжидая удобный момент для нападения, как вдруг позади услышал треск ломаемых кустов и аж обмер, думаю, как он там с топором оказался, оглянулся, а там три наших девки продираются. Я им: «Брысь», а они мне: «Мы тебе поможем», я им: «Отвалите, не мешайте». Они куда-то смылились, а я, подгадав момент, выскочил

из кустов и прыгнул на него сзади, обхватил руками, что бы он не смог ударить топором, подскёк, повалил пьяного идиота на землю мордой вниз, пытаюсь выдрать из руки топор, и тут на нас прыгнули три этих десантницы, лежат как на диване привыкают. Я им: «Девки, да сползай уже с меня, я пошевелиться не могу, а урод, которого я завалил еле стонет уже, похоже загибается». А они мне: «А вдруг он опять начнёт?» Еле выбрался из этой кучи. Взяли растяжки от одной из палаток, спеленали его, положили подальше от костра, чтоб он по пьяни в костёр не скатился, так и пролежал до утра.

С утра мы с Лёсиком решили сплавать на противоположный берег, плыть было не меньше полутора километров, на случай если вдруг сведёт ногу, решили пихать перед собой бревно, плыли часа два, задолбались с этим бревном, вылезли на берег, сели отдохнуть. Недалеко стояла палатка, рядом женщина готовила кофе на костре, подошла к воде, увидев бревно, сказала: «Ветра нет, а бревно приплыло». Рассказали, что бревно с собой приволокли с того берега, удивилась, как мы сюда, да ещё с бревном. Угостила нас кофейком, стало полегче, поплыли назад, на бревно уже сил не было, доплыли налегке, без страховки, перекусили, рванули в Москву. Поход как-то не задался, но в воде наплескались до тошноты.

Связь с девчонками я не потерял, они, правда, разочаровались в Лёсике и его друге, что немудрено, и, приглашая меня на вечер танцев в их организации, попросили взять с собой кого-то поадекватнее. Собрались втроём, мы с Кемелем и Витька, приделались, но аккурат перед поездкой одна из них позвонила мне и сообщила, что их смену загнали на дежурство, но мы, если хотим, можем прийти потанцевать без них. Помозговав, мы решили идти, упускать такой шанс было нельзя, наши знакомые работали на телефонной станции, и по слухам, там, кроме них, трудилось ещё порядка трёхсот человек, и девяносто процентов из составлял прекрасный пол.

В девятнадцать часов были у дверей клуба, но так просто с улицы туда не пускали. У входа толпилась небольшая кучка таких же искателей приключений, в приоткрытую дверь, и было видно, что у выхода из клуба так же стайка девиц, высматривает кого-то в толпе порывающихся попасть в этот малинник. Неожиданно одна из них протянула мне руку и сказала: «А этого мальчика я знаю», и провела меня в зал. Пока я раздевался, в зал прорвались Сашка с Витькой. Народ танцевал вовсю, но парней явно не хватало. На первый танец я пригласил ту самую девушку, которая провела меня в зал, её звали Тамара, она работала там же, на телефонной станции. Приглашая на танец Тамару, я отметил для себя её подружку, она мне понравилась больше, и я пригласил её на второй танец. Мы протанцевали с ней весь вечер, познакомились, она училась в девятом классе, звали её Марина. Через час в нашем вечере танцев возник перерыв, который нам организовали пацаны, работающие механиками на станции. Подошли, вызвали на разговор во двор, мы вышли втроём, их было семеро. Разговор получился для них беспонтовый, они, видно, полагали, что мы выйдем на трясущихся ногах, а мы вышли с желанием заехать кому-то в грызло, нас отвлекли от приятного занятия, времени на разговоры тратить смысла не было. Они включили заднюю, мол, тут во дворе, при всех, сейчас схлестнуться нельзя, давайте завтра-послезавтра. Мы согласились, завтра, в семь часов вечера у «Огонька», и добавили: если сегодня ещё кого-то увидим рядом, рожу намнём прямо на танцполе, чего далеко ходить. К «Огоньку» они не пришли, подружки наши мне потом рассказывали, что парни эти стали аккуратненько выведывать, где мы живём, но они ответили, что точно обо всех они не знают, но вот Алек в «Огоньке» живёт. После этого оппоненты наши поскучнели, перестали нами интересоваться. Определённо всё-таки перепали мне какие-то бонусы от моего местообитания.

Я вряд ли могу выступать в качестве эксперта, рассуждая о танцах, но по своему опыту помню, что танцевали на танцплощадках в те годы в основном танго, вальсы, из экзотического, возможно, какую-нибудь летку-енку, а у молодёжи в моде были твист и шейк. Движения, рисунок, техника этих танцев существенно отличались у разных исполнителей, видеомагнитофонов

ещё не было, но в любой компании всегда находился кто-то, кому друг или подруга показали, как это делается. Танцевали как могли, как показали друзья. Запускали их всегда уже в конце вечера, твист уже был как бы легализован, его танцевать было можно, мы его со своими новыми знакомыми отплясали на ура. А вот шейк они с нами танцевать не стали, сказали, не умеют, тут мы стали отрывать вдвоём с Мокушкой. Но наше веселье остановила дама-распорядитель, сухопарая женщина лет пятидесяти. Она подошла к нам и строго сказала: «Немедленно прекратите, у нас этот танец танцевать нельзя». Мы остановились и вступили в дискуссию, требуя обосновать, почему нельзя. Тут она сделала ошибку, пытаясь обосновать то, что обосновать невозможно, забрела в такие дебри, где логика теряла смысл, и чтобы не потерять лицо, сказала: «А я сейчас специалиста приглашу, она вам всё быстро растолкует, подождите», и растворилась в толпе танцующих. Стоим размышляем, сейчас дружинников приведёт, но через пару минут она появилась вместе с миловидной женщиной лет сорока, которая была, как мы узнали позже, руководителем танцевального кружка и сказала: «Вы посмотрите, что они танцуют». Мы продолжили уродовать эстетический вкус присутствующих, женщина посмотрела на наши несуразные телодвижения и ответила: «Интересный рисунок, да пусть себе танцуют». Забавно, через несколько лет в каком-то советском кинофильме я видел эту сцену, отображённую с кинематографической точностью, видно, схожие ситуации были в те времена не редко на танцевальных площадках. После танцев мы поменялись с Мариной телефонами, договорились созвониться. Созвонились, стали изредка встречаться.

Препятствием для наших встреч являлось то, что я продолжал встречаться с одной из девиц из восьмидесят пятого дома. Дело было не в моих высоких моральных устоях, у меня просто времени не хватало, надо было ещё иногда посещать школу. Но вскоре всё благополучно разрешилось, нас троих пригласили домой на день рождения к одной из тех самых девушек. Ну, мы взяли водки, дамам вина, букетик, какой-то непритязательный подарок и явились в назначенный час. В процессе застолья все рассорились друг с другом, я с подружкой поцапались, расселись по разные стороны стола, я сел с именинницей, она рядом с Витькой. Все изрядно выпили, закончилось тем, что я страстно, прямо за столом, целовался с именинницей, Витёк с моей подружкой за оконными шторами. Кемель с их товаркой ломанулись в соседнюю комнату, но там затаился засадный полк в лице мамы именинницы, и они передислоцировались на кухню. В итоге любовь у меня закончилась, не начавшись, и я стал встречаться с Мариной.

В декабре шестьдесят пятого года мне присвоили второй разряд; процедура, вопросы комиссии полностью повторяли экзамены на первый разряд, так что проблем сдача не вызвала. Я стал получать восемьдесят рублей в месяц, сравнялся по зарплате с сестрой, мать к весне купила мне плащ-болонью, я становился крутым перцем, ещё бы – мне исполнилось семнадцать.

В начале весны, как только проклюнулась первая травка, мы двинули вчетвером, я с Маринкой и Тamarкой, не помню, с кем-то из парней, в поход. Мы Мариной впервые через полгода встречались практически наедине, если не считать наших друзей. За ужином у костра, как водится, выпили, девчонки по чуть-чуть, мы по кружке, для храбрости. После трапезы все расползлись по палаткам, я пошёл в решительную атаку, Мариша, как полагается, оказывала умеренное сопротивление, возможно, главным побудительным мотивом к сопротивлению было то, что мы были не одни. Где-то к полуночи мне надоели мои безрезультатные потуги, я решил посмотреть, как будут развиваться события. Марина стала размышлять вслух, что происходит между мужчиной и женщиной после близости, и высказала предположение, что парень после этого перестаёт уважать девушку. Меня такая постановка удивила, и я сказал, что всё не так, это развитие отношений, вершина любви, но при этом принял её слова как некое разрешение к действию и возобновил свои попытки, но она была непреклонна, в итоге мы заснули, как после длительного марафона. Через неделю после Марина позвонила и пригласила меня в гости к себе домой, но с условием, что я не буду к ней приставать.

Я был у неё дома в первый раз, в их небольшой двухкомнатной квартире, в мебели, интерьере ощущался недостаток, диссонировало с интерьером лишь какое-то замурзанное покрывало на диване тёмно-коричневого цвета, факт этот мне запомнился, но тогда я на него и внимания не обратил. Я сидел на диване, а она лежала, положив голову мне на колени, что-то мне всё говорила о том, что мне надо обязательно учиться, а я целовал её, я был влюблён, мне нравилось её целовать, и ещё чтобы не слушать эти надоевшие мне речи. Допекали две её подружки, которые находились на балконе соседней квартиры и каждые двадцать минут кричали, вызывая её на разговор. Она вскакивала с дивана, бежала на балкон, они о чём-то шептались, затем она приходила и снова ложилась на диван. Соблазн был велик, но я дал ей слово. После последнего её randevу с подругами она зачем-то попросила мои часы, взяла и отнесла их своим подругам. Отдал, ладно, думаю, пусть поиграют. Когда пришла пора мне уходить, она почему-то выглядела слегка расстроенной. Через какое-то время в наших отношениях наступило охлаждение, и она вернула мне часы. Что это было, зачем, до сих пор не пойму. Вспоминая эту историю, я, кажется, понял, что она хотела развития отношений в этот день, для этого-то меня и пригласила домой, и покрывальце-то было подобрано зашарканное, чтобы не измарать диванчик, но что ж мозги-то мне крутить. Мне вообще кажется, что женщины, зачастую прося нас о чём-то, в душе предполагают совсем другую нашу реакцию на собственную просьбу, поскольку говорят это исключительно для того, чтобы не выглядеть плохо в глазах партнёра или ещё по каким-то неведомым нам причинам. Но тогда я не был погружён, даже на немного, в пучину женской психологии, да и сейчас не всегда понимаю. Но, возможно, и этим, в числе огромного количества других отличий, мы и интересны друг другу? Мужик – он же прост, что не означает глуп, но прямолинеен, если говорит «да», значит, да, если говорит «нет», значит, нет, и полагает, что ему говорят о том же. Ан нет.

За хлопотами пришёл шестьдесят шестой год, мне исполнилось восемнадцать, мамуля подарила мне на день рождения норвежский или финский свитер чёрного цвета с красивейшим национальным узором на груди. Такой красивой вещи у меня никогда не было, на меня стали поглядывать девушки, сейчас я мозгую, что они, наверное, глядели на мой замечательный свитер, но тогда я мнил иначе. Омрачала моё настроение только Катька, стоило мне отвернуться или отвлечься на секунду, эта зараза сразу напяливала на себя мой свитер и сваливала на свидание. Я и объяснял ей, что растянет на сиськах, что у меня всего-то приличных вещей – этот свитер, ей хоть кол на голове теши.

С взрослением для меня стало важным, как я выгляжу, как одет. Очевидно, повлияло то, что в детстве я подспудно всё же ощущал изрядный дискомфорт из-за своего неприглядного внешнего вида, просто не понимал этого. Надо сказать, что власть рабочих и крестьян не шибко заморачивалась по части пошива одежонки для трудящихся, и хорошая одежда перепала весьма узкому кругу лиц партийно-государственной номенклатуры и ещё весьма специфичной группе: туваровэд, завёдушый магазин, завсклад. У нас в цехе был парень года на два постарше меня, звали его Миша, очень модно одевался и давал мне советы по части одежды, советы были, как я полагал, правильные, но воспользоваться я ими не мог, зарплату ведь я отдавал мамане, но однажды... Однажды приятель мой пришёл на работу со страшного похмелья и сказал мне: «Всю ночь не спал. В карты играли, пили. Не могу, меня рубит, я минут пять покручусь, чтобы меня все увидели, а потом сваливаю спать в раздевалку, как бугор в ярость впадёт, беги за мной, буди». Первый раз мне удалось втюхать бригадиру, что он в сортире, потом я сказал, что он пошёл за развёрткой в МСУ (большой механосборочный участок, который находился в соседнем здании, там была большая инструментальная кладовая), у нас в кладовке такой развёртки нет. Насчет развёртки я знал, что он ходил за ней накануне, могло проскочить. Но часа через два бригадир начал расспрашивать уже всех остальных в бригаде, я понял, надо бежать, вытаскивать приятеля из раздевалки. Я сунул развёртку в карман и втихую смылился за приятелем. Разбудив его, я сунул ему развёртку, объяснил его легенду и сказал:

«Дуй, бугор уже на пределе». Приятель мой сполоснул физиономию, сортир с умывальниками был рядом с раздевалкой, и скатился по лестнице. Через пару минут я тоже был цеху и наблюдал, как Лёха костерил моего приятеля за то, что он полтора часа где-то болтался, получал сраную развёртку, которую он, бригадир, готов ему засунуть в его жопу, но не хочет марать рук, и что если он ещё раз, и так далее. Далее бригадир сказал ещё много хорошего, но всего бумага передать не сможет. В общем, гром погрохотал, но молнии били в землю, а могли ударить по карману. Обошлось. После работы, когда я, уже умывшись, переодевался в раздевалке, приятель мой подошёл, поблагодарил меня, оценил изобретательность, которую я проявил, и вдруг, поглядев на мои ноги, спросил: «А какой у тебя размер ноги?» Я ответил, у меня тогда был сороковой. Приятель мой забрался в свой шкафчик, достал оттуда чёрные блестящие ботинки, протянул мне и спросил: «Тебе ботинки не нужны?» Ботинки мне были нужны, мои «собачки» я носил уже года три, выглядели они не очень, но когда я взял в руки туфли, которые предлагал Миша, то понял, мне такие не носить. Это были мокасины, модные в то время туфли, но какие мокасины! Я видел похожие в магазине дорогие импортные ботинки, стоили они безумных для меня денег – тридцать пять рублей, но эти были круче. Плотная кожа лоснилась глянцем, на них не было никаких индейских финтифлюшек вроде дырочек и прочей дребедени, это, скорее, были туфли, стилизованные под мокасины, практически новые, по состоянию кожаной стельки было видно, что их одевали несколько раз. Но где мне было взять такие деньги? Я и ответил, что туфли мне нужны, но на такие у меня денег не найдётся. Миша сказал: «Да это понятно, но ты померяй, для интереса». Ну, для интереса чего ж не померить, я надел мокасины, они практически были моего размера, чуть-чуть велики. – «Ну как?» – «Да отлично». Приятель мой с огорчением сказал: «А мне малы. Вчера в карты выиграл, а куда мне девать? Продавать не пойдёшь, вдруг краденые. Ладно, бери за пятнадцать рублей». Я от такой щедрости опешил, но пятнашки у меня не было, а мать, как я знал, уже ушла с работы, ей надо было в поликлинику. Я спросил: «А до завтра?» Мишка ответил: «Не вариант, похмелиться мне сегодня нужно. – Задумался и сказал: – Ну трёшку-то найдёшь сегодня, остальные в получку». Я ответил: «Ждёшь пять минут». – «А куда ты собрался?» – «У ребят в цехе стрельну». – «Да хрен кто даст. Жлобьё. Ну беги, попробуй». Я метнулся вниз и первым делом обратился к Василь Макарычу: «Василь Макарыч, займи трёху до завтра». У Макарыча деньги были всегда, но давал их он не всем. Я тоже не показался ему надёжным заёмщиком, и он сказал, что денег у него нет. Последней надеждой был Лёха, наш бригадир, подойдя к нему, я спросил: «Алексей Иванович, можно у вас попросить займы три рубля до завтра?» Лёха ответил стандартно: «Попросить-то можно, вот получить... – Потом спросил: А зачем тебе трёшник?» Я ответил как было: «Мишка туфли хорошие продаёт, трёху сегодня просит, а остальные в получку». Бригадир хмыкнул: «На опохмел сегодня трёху, вот отчего он, сучонок, с утра по углам ныкается. – Лицо у меня изменилось, я понял, что спалил Миху, бригадир, заметив это, сказал: – Не ссы, не трону я его. А сколько остальных?» – «Двенадцать рублей», – ответил я повеселевшим голосом. Бригадир положил на верстак синьку чертежей, которые держал в руках, и сказал: «А Мишка-то где?» – «В раздевалке». – «Ну пошли». – «Куда?» – «На кудыкину гору, туфли смотреть». Это совсем не совпадало с моими планами, но деваться было некуда, мы пошли в раздевалку. В раздевалке бригадир взял у Мишки из рук туфли, подошёл к лампе и стал их внимательно разглядывать, рассмотрев, спросил: «Пятнадцать рублей?» Приятель мой ответил: «Точно, пятнадцать». Бригадир вынул из кармана кожаный кошелек, напоминающий подкову, достал оттуда пятнадцать рублей, вручил их Мишке и сказал: «Чтоб завтра был как штык». Приятель мой, с удовольствием засовывая деньги в карман, ответил: «Алексей Иваныч, чуть голову поправлю, и больше ни-ни». Уходя, бригадир уже у дверей повернулся и сказал мне: «Я у Надежды сам спрошу, когда ей будет удобней мне деньги вернуть, скажу ей, что туфли хорошие, чтоб она тебя не клевала. – Потом спросил у Мишки: – А чего дешёво продал-то, ворованные?» Мишка ответил: «Да в карты выиграл вчера, хрен их знает, может,

и ворованные». – Бригадир подвел черту беседе: «Наверняка краденые. – Снова глянул на Мишку и добавил: – Ладно, полчаса осталось, можешь домой идти. Всё равно с тебя сегодня толку». – Махнул рукой и ушёл. Мы посмотрели ему вслед, Мишка сказал: «Мужик. Человек». Я подтвердил: «Да». Мы переоделись и двинули, я домой, пожрать чего-нибудь и в вечерку, он в «шайбу» – пивную, напротив магазина «Богатырь».

Вечером, придя из школы, я продемонстрировал маме свои новые мокасы. Мамуля моя, выслушав историю приобретения туфель, впала в панику и выдала, что туфли явно ворованные и мне за скупку краденого напаяют срок, туфли дрянные, потому что хорошую вещь никто задёшево не продаст, я поступил как болван, который купился, как последний дурачок, и собственно, им и являюсь, но завтра она у нас в цеху устроит выволочку моему приятелю, туфли кинет ему в морду, а потом пойдёт в милицию и напишет заявление, что он торгует краденным на заводе. Но я был готов к чему-то подобному и заявил, что, во-первых, мои башмаки после трёх лет каждодневной носки уже приплывают, а зима придёт, как ни крутись. Во-вторых, туфли классные, их бригадир лично осмотрел, покупку одобрил, и теперь она ему должна пятнадцать рублей за настоящие мокасы, которые стоят, как минимум, рублей тридцать пять, а то и поболее. В-третьих, если она хоть раз сунется в мои внутрицеховые отношения, я забью на завод и на всё на свете, и она может сама, когда у неё найдётся свободное время, шаркать напильником по заготовкам. Не знаю, отпугнула ли её перспектива окунуться в суровые слесарные будни, но, выслушав мою тираду, маманя задумчиво произнесла: «Алексей одобрил». Затем взяла в руки башмаки и стала их внимательно разглядывать. Рассмотрев и прощупав каждый шовчик, вздохнула и сказала: «Хорошие ботиночки». Поставила их на пол и добавила: «Поступай как хочешь».

А я уже так и делал, года два, не меньше: учиться перестал, школу дневную бросил. Слава богу, что мать запихнула меня на завод и в вечерку. Поступки собственные мои, как правило, не приносили мне пользы, но что поделаешь? Несло меня по жизни, как парусное судно, оставленное в море экипажем, повезло, не пошёл пока ко дну. А счёт моих потерь среди близких и друзей начался рано, в восемнадцать лет, похоронили Васю Коркина. Несколько моих бывших друзей и приятелей напоролась уже на рифы тюрем, пьянства, болезней, а моя посудина была и есть пока на плаву. Увы, не было отцов во многих наших семьях, или водка занимала их больше, чем мы, матери наши трудились с утра до ночи, чтобы прокормить нас, одеть и обуть, не было старших друзей, что-то понявших в жизни и подсказавших нам правильный путь. Или не слышали мы, не учились слушать, да нас и не учили слушать. Или этот дар не приобретается, а даётся от Бога?

Повезло, если твои родители, учителя в школе, преподаватель в учебном заведении или твой руководитель на предприятии, где ты начал трудиться, нашли для тебя правильные слова, предприняли нужные действия, чтобы вовлечь тебя в свою систему ценностей, чтобы ты сделал осознанный выбор в пользу простых, обычных истин, не ощущая давления, чтобы различал добро и зло, правду и ложь, солёный пот труда и восторг его результатов, радость познания и скуку безделья, истину всего того, что делает нас людьми. А если не нашлось для тебя времени, желания, просто не хватило сил, что ж удивляться и сетовать, что от осинки не родились апельсинки. Надо помнить, что источник гибели любого организма заложен в нём самом, значит надо стараться самому разбираться, что и как. Надо стараться.

При этом все знают, что в какой-то момент родители, да вообще все люди существенно большего возраста, зачастую перестают являться авторитетами для нас в юном возрасте, у подростков появляются свои системы ценностей. Хорошо если это тренер в секции, или руководитель творческого кружка, или, куда ни шло, какая-то поп-звезда, но бывает, что таким авторитетом становится приклатнённый, сидящий на игле, полудурок.

Мне, кажется, в этом отношении везло. Люди, совершенно обычные, зачастую не шибко отягощённые знаниями и жизненным опытом, встречавшиеся на моём пути, говорили какие-то

слова, по сути правильные и от этого кажущиеся тривиальными, и вследствие этого не воспринимаемыми мной абсолютно, по непонятным мне причинам западали в мою память, лежали там, глубоко на дне, без всякой моей мыслительной реакции, и вдруг всплывали впоследствии и радикально влияли на принятие мной каких-то ключевых решений в моей жизни. Мой цеховой приятель Михаил, человек лёгкий, весёлый, большой модник, как я уже рассказывал, не дурак выпить, любивший прекрасный пол, был мне интересен, поскольку был постарше и более осведомлён во многих вещах, я прислушивался к его мнению. Помнится, когда одного из наших коллег, слесаря четвёртого разряда, как учащегося на старших курсах заочного техникума перевели работать техником в заводской техотдел, Мишка сказал: «Молодец! Учится». Сказал с уважением к его труду, старанию чего-то добиться, и это запало мне в голову, как семечка засухоустойчивого растения в неплодородную землю, но когда пришло время, оно проросло. И казалось бы, кто мне ни долдонил о пользе и необходимости ученья: школьные учителя, мать и родственники, всё мне было по барабану, сыпались их слова, как сухой горох об стенку, ни пользы, ни вкуса, а сказал мне это Мишка, двадцатитрёхлетний слесарь третьего разряда завода «Металлист», и на тебе, сработало, не сразу, правда, года через три. Странная вещь, но я абсолютно уверен, что своему поступлению в один из лучших институтов страны я обязан Михаилу, точнее, той его фразе.

Заболела бабуля, моя любимая бабулечка, баба Гермина, лежала в больнице месяца полтора-два, всё произошло очень быстро, скоротечная саркома, смерть. Тело бабушки кремировали и похоронили на Донском кладбище, прах её покоится там же в колумбарии, в одной ячейке с дедом. Я навещал бабулю в больнице, понимал, что дела её неважные, и когда пришло известие о её смерти, не удивился. Поначалу я остался равнодушен, вспоминая, не мог понять, почему. Бабушку я любил. Понял это через много лет – не было ощущения её смерти. Знать знал, но пазл не складывался. Накатывать на меня стало по дороге в крематорий, ехали втроём, я с сестрой и её хахаль Пашка Талалаев. Он о чём-то весело болтал в вагоне метро, я поддерживал разговор, иногда отворачивался, было муторно, я понимал, что Пашка нас хочет поддержать, но чем ближе была конечная точка маршрута, тем меньше хотелось о чём-то говорить. На кладбище, по дороге до крематория, проходя мимо множества могил, я понял: нет моей бабуленьки, совсем раскис, отвернулся. Отошёл в сторонку и расплакался. На похороны прилетел отец, в детстве мне наверняка приходилось его видеть, но зрительно я его себе не представлял, и мне интересно было посмотреть на человека, являющегося моим отцом. Папенька мой был довольно высокого роста, выше меня практически на голову, ходил с лицом провинциального трагика, фотографировался, склонившись у гроба, стоя на коленях, с выражением вселенской скорби на лице. Когда в зале прощания крематория гроб с телом бабушки опустили вниз и створки, закрывающие свод печного зала, сомкнулись, встал, отряхнул колени и больше о своей матери не вспомнил до конца визита. Остановился он у нас, мама светилась от счастья, любила, несмотря ни на что, его всю жизнь. В первый день приезда подарил мне часы, оно и понятно, он был часовым мастером. Часы у меня были свои, но не взять было бы невежливо. Пару дней он производил впечатление нормального человека, потом по вечерам за столом появилась водочка, и папашу нашего понесло, стал объяснять маме, что она живёт не так, делает не то, что она дура. А мы должны сидеть помалкивать, когда старшие говорят. Я, наблюдая такую картину, размышлял, кого из ребят привлечь, чтобы начистить, в рамках наведения порядка в доме, рожу отцу родному. Мама всё принимала, только нас с Катькой попросила: «Поговорите вы с отцом, что он меня всё дурой называет, меня на работе уважают, и нигде меня дурой не считают». Мы переглянулись и поняли: клиника, любовь зла. Когда деньги кончились, папаша забрал у меня подаренные часы и улетел к себе в Кемерово. Через несколько дней мамуля сказала нам, что они решили с отцом снова попробовать жить вместе, и поинтересовались нашим мнением. Мнение было сформулировано мгновенно: «Караул! Никогда!» Мама, из-за нахлынувших на неё чувств, не видела, а нам было ясно то, что папенька наш

вновь приобретённый просто хотел снова вернуться в Москву, в те годы попасть в столицу было непросто, существовал институт прописки, и по тому, как он вёл себя эту неделю дома, было понятно, что её он не любит, не уважает, если не сказать хуже, и дети ему собственные нужны, как зайцу триппер. Это ей мы и объяснили. Мама в лёгкой растерянности сказала: «А что же делать? Он поехал увольняться». Мы ответили: «Так он же тебе телефон оставил, позвони». Мама заказала звонок в Кемерово, через полтора часа нас соединили. Поздоровавшись, она сказала: «Володя, дети против твоего возвращения, не приезжай». – Наблюдая за её лицом во время их разговора, я понял, что всё она видела и понимала относительно его отношения к ней, просто пыталась убедить себя в обратном, и ещё я понял, что ей было даже приятно отказывать ему, в этом была её маленькая месть за то, что когда-то он принял решение бросить её с двумя маленькими детьми, а теперь она и её дети не принимают его назад, и он бессилён изменить их решение, она стала сильнее и значительнее его. И кто из них дурак?

Через полгода батя наш явился снова, после смерти бабушки осталось весомое наследство: восемьдесят соток земли в садовом товариществе «Искра» на станции Удельная по Казанской дороге и какая-то доля в доме, всё перечисленное батя наш посчитал необходимым забрать, что вполне логично, не с детьми же делиться, в самом деле. Мама пыталась оспорить это в суде, ссылаясь на бабушкино завещание в письменной форме, но поскольку оно не было заверено нотариально, советский суд, как известно, самый справедливый в мире, отверг её наглые притязания. Я идти на суд не собирался, мне тогда вся эта канитель показалась ненужной, но отец почему-то попросил, чтобы суд вызвал меня. До сих пор не понимаю, на кой чёрт я ему понадобился. Судья задала мне несколько весьма тупых, по моему мнению, вопросов: чем я занимаюсь, сколько зарабатываю и что-то вроде того, как я отношусь к своему отцу. Я рассказал всё по порядку, добавив, что упомянутого гражданина отцом не считаю, потому как вижу его второй раз в жизни. Дачка отошла отцу, он её тут же забодал и пропал с горизонта лет на семь.

После похорон бабушки осталось много исписанных листов бумаги, она писала книгу-воспоминания, видно, писать воспоминания – наше семейное хобби, к сожалению, она писала их на латышском языке, носителя языка не стало, и мама посчитала бессмысленным их хранить. Осталась небольшая этажерка книг, я взял одну и прочитал довольно быстро, это была книга Джона Рида «10 дней...» 1958 года издания. Мне эта книга показалась интересной тем, что в ней версия событий 1917 года излагалась с большими отличиями от официальной, но главное было даже не это. В приложениях к первой главе были три интересных таблицы, составленные комитетом представителей Московской торговой палаты и московского отделения Министерства труда и опубликованные в газете «Новая жизнь» в октябре 1917 года. В них указывались заработная плата основных рабочих профессий и цены на предметы первой необходимости в 1914 и 1917 годах. Таблицы эти обосновывали возникновение революционной ситуации в России в 1917 году, и мне показалось очень интересным исследовать этот вопрос. В таблицах, в числе прочих сведений, указывался дневной заработок слесаря в размере девяти рублей, то есть где-то двести тридцать четыре рубля в месяц, и цены на все основные товары. Все дореволюционные цены были приведены из расчёта за фунт, аршин, кружку, пересчитать их из расчёта за килограмм, метр, литр не представляло труда, а затем, зная зарплату слесарей в цехе и цены на все основные товары, я рассчитал и составил таблицу, в которой были указаны цены на все основные товары в долях зарплаты на тот момент. Полученная картина меня удивила до невозможности. Оказалось, что в 1966 году еда и одежда нам обходятся гораздо дороже, чем в 1914. Сравнение с ценами 1917 года было не столь удручающим, но всё равно, по многим позициям, не в пользу нашего времени. Я накропал сравнительную табличку, приволок её в цех и показал во время перекура мужикам, реакция была настолько бурной, что работа в цеху притормозилась на полдня. Народ поначалу воспринял мою инфу полускептически, однако когда я объяснил, откуда я взял данные, задумались: кто-то остался сидеть на ска-

мейке и обсуждать, остальные разошлись по рабочим местам, но периодически откладывали инструмент, подходили к спорящим и заново ввязывались в разговор. Потом подошёл кто-то из станочников, и всё продолжилось и потекло дальше. Через пару дней ко мне подошёл парт-орг нашего цеха и спросил меня в лоб: «Ты чего народ мутишь?» Когда я понял, что он имеет в виду, то объяснил ему, что я просто привёл данные из книги американского коммуниста (потом я узнал, что коммунистом он не был, но тогда не знал, впрочем, парторг этого тоже не знал) Джона Рида и просто сравнил с нашим временем. Имя Джона Рида знали все, мало кто его читал, но все знали, что о его книге положительно отзывался Ленин, и как тут полемизировать? С Лениным не поспоришь, он же памятник. Поэтому беседа прошла примерно в таком ключе: «Так ты читатель? Ну прочитал и сиди, помалкивай. Много вас таких, читателей». В общем, не убедили мы друг друга. Дня через два-три всё забылось и потекло по-прежнему.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.